

* Встреча с интересным человеком

Евгений Павлович

ЛЕОНОВ,

народный артист СССР, лауреат Государственной премии и премии имени Ленинского комсомола, директор Центрального Дома актера, актер театра имени Ленинского комсомола.

Его знают все, от мала до велика. Знают в лицо, знают его голос. Дети, увидев его на улице, кричат вслед: «Винни-Пух идет!».

Он снялся более чем в семидесяти фильмах, сыграл в десятках театральных спектаклей. Много это или мало? Сказать трудно, но, наверное, все-таки много. Потому что там, где играет Евгений Павлович Леонов, там подлинное искусство, настоящая актерская работа.

С ТЕПЛОТОЙ, ДУШЕВНОСТЬЮ...

— Евгений Павлович, последняя ваша большая работа в кино — съемки в довольно грустной комедии Георгия Даниила «Слезы капали». Вы удовлетворены работой?

— Я люблю этого замечательного режиссера. Когда он пригласил меня на съемки нового фильма, согласился с радостью. Правда, до этого перенес инфаркт, но старался не вспоминать о нем. Правда, стенокардию заработал на съемках этой картины. Да ладно, думаю, лишь бы хорошая получилась. Людям понравится, кто-то посмеется, кто-то; может быть, поплачет. И что же, фильм вышел на экраны, а многие его и не посмотрели. Чем объяснить это? Один из тех, кто, по-видимому, посмотрел картину, написал мне: «Леонов, весели нас, чего ты в грустных лентах снимаешься? Не надо». Меня это наводит на размышления.

— Какие же, Евгений Павлович?

— Каждый актер озабочен тем, чтобы быть разным, чтобы была не одна краска, а целая палитра на полотне его творчества. Хочется играть и в драме, и в трагедии, и в комедии. Хочется себя испытать, исчерпать, испытывать до конца. А из письма, которое я процитировал, ясно, что есть зрители, которые хотели бы видеть меня в одной и той же роли; скажем, роли «джентльмена удачи». Недаром в другом письме говорится, чтобы для меня написали новый сценарий с продолжением истории тех джентльменов. Значит, рассуждаю я, популярность — это еще и синоним привычности. А это плохо. Ведь каждому актеру хочется вырваться из рамок своего ампула. И он рискует, но идет на это.

— А я как раз хотел попросить вас поразмышлять об актерской профессии...

— Да что там размышлять, вся жизнь отдана актерству, зрителям, людям, любящим театр и кино. Сколько на свете хороших профессий, необходимых человеку! Наша тоже в чем-то прекрасна и необходима. Но трудная она очень, сложная, жестокая и... коварная. В нашем деле невозможно угадать, как сложится твоя творческая судьба, а значит, и твоя жизнь.

Главное, актер должен понять, что в его профессии всю жизнь надо завоевывать право на свою индивидуальность, право на сценическую площадку, право на роль, право на работу. И еще всю жизнь надо доказывать, почему именно ты играешь эту роль, а не твой товарищ. Я считаю, что чем сильнее творческая конкуренция, тем выше будет искусство. Ведь актер живет только тогда, когда работает. Мне возразят, что ты нам тут доказываешь, ты ведь уже народный артист, лауреат, хочешь — эту роль играй, хочешь — другую. Из театра не уволят. Желаете Отелло играть, будешь. Отойдите от меня, хочу играть Отелло! На меня будут пальцем показывать — во, ролюгю себе отхватил. Ну, где там Деиздемона, сейчас он будет ее душить! Но ведь разве в роли дело?! Тебе надо доказать, почему именно ты играешь эту роль. Вот в чем соль.

— Но ведь так, наверное, в любой профессии — надо доказывать, что ты на своем месте, что дело, которым ты занимаешься, — твое. В любом ремесле надо быть прежде всего личностью.

— Это верно. Нужно постараться стать личностью, нужно быть профессионалом своего дела. Работать надо уметь. Особенно это актуально звучит сегодня, сейчас. И еще я заметил: к профессии можно привыкнуть. А это плохо. Мы, актеры, привыкая, забываем, что по духу своему наша профессия — общественная, что мы всегда среди людей. Всегда на виду. Даже не играя, даже не на сцене, а так, просто на улице. Тебя могут встретить незнакомые люди и сказать: «Мы вас просто обожаем!» И вот ты уже чувствуешь себя знаменитым, даешь автографы на ходу... Сломаться можно быстро. Популярность — дело преходящее, пшик — и все. Мгновенно улетучится. Если не подкреплять ее новыми работами, если не мучиться, не выкладываться до конца.

Наши великие актеры отдавали делу всего себя. Щукин, например. Борис Васильевич. Все видели его фильмы «Ленин в

Октябре» и «Ленин в 1918 году», ставшие классикой нашего кинематографа, нашего искусства. Он так сыграл свои роли, что никто из нашего поколения к этому уровню мастерства даже не приблизился. А какой был у него Егор Булычев!

А гениальный мхатовец Николай Павлович Хмелев. Много он ролей переиграл и наконец премьера — «Иван Грозный». Хмелев, под стать Грозному, худенький был, щупленький, но невиданной электрической нервной силы человек. Весь отдался он этой роли, все свое мастерство преподнес зрителю, всего себя выдохнул разом. И во время монолога на премьере от разрыва сердца умер прямо на сцене. В 47 лет!

Да, актер должен работать, пахать, карабкаться, расшибаться, искать, пробовать. А завтра перед тобой новая пьеса, новая роль, и все начинается сначала. Опять ты должен играть доброго, умного, злого, жестокого, ничтожного человека, ведь ты актер и ты должен уметь перевоплощаться, перестраивать себя. Не временное же это дело — твоя профессия. Каким же должен быть твой внутренний мир, твой психофизический аппарат, чтобы все это выдержать. Каким нужно быть восприимчивым, чтобы впрыгнуть в чужие, выдуманные кем-то обстоятельства и сделать их своими. Чтобы ты мог душу этого человека вывернуть наизнанку, соединить его судьбу со своей судьбой. Если ты можешь это сделать, значит ты — настоящий актер. Вот в чем смысл актерской профессии — человековедение.

— Евгений Павлович, как вы относитесь к тому, что многие зрители путают актера с его героями? Я, например, запомнил, как после просмотра кинофильма «Премия» кто-то сказал: «Где же это Леонов таких чудачков откопал, чтобы они от премии откашивались?»

— Это что! Как-то в театре ко мне человек с бутылкой подошел: «Хорошо ты сыграл моего соседа-алкоголика, давай с тобой раздавим». Я говорю: «Я на работе, у меня спектакль, да и вообще я не пью». «А брось ты, — говорит нежданный собеседник, — не пьешь, с такой будкой не пьешь, так я и поверю. Зачем же ты тогда в «Афоне» алкоголика играешь?».

Что касается фильма «Премия», то он принес мне немало действительно радостных минут. Я получал прекрасные письма от зрителей, в которых говорилось, что Потапов — это настоящий рабочий человек, совесть наша, что он не правдоискатель, а правдостроитель, умный и честный. Кстати, эта картина широко была показана на зарубежных экранах. Когда во Франции проходил съезд компартии, то на сцене над президиумом рядом с портретами видных деятелей красовался мой бригадир из «Премии». Вот как высоко оценили работу советских кинематографистов французские коммунисты.

— Евгений Павлович, кто был вашим учителем? Кто помог вам найти себя на сцене?

— Моим учителем был народный артист СССР А. А. Гончаров, но многому я научился и у Михаила Михайловича Яншина, доброго, светлого, яркого артиста. Научился у него работать, выкладывать до конца. Не все знают, что, будучи тяжело больным, когда ему оставалось жить совсем немного, и он чувствовал это, Михаил Михайлович продолжал играть, продолжал жить театром. Даже в больнице все разговоры — о театре, об актерстве. Мне кажется, из нашего, более рационального поколения никто бы не смог вот так, до последней минуты, служить искусству. Как он сыграл последнюю свою роль в спектакле «Соло для часов с боем!» Играл так, будто говорил (и он в самом деле повторял это не раз): не обманывай ни себя, ни зрителя. Обманывай других, обкрадывай себя.

Он научил меня радоваться удачам, научил пониманию того, что, не спотыкаясь, не огибаясь, не постигнешь высот. И вы знаете, я по себе это проверял. Не было бы у меня неудач, не было бы и хороших ролей. Вот я вроде бы чаще в главном своем ампула выступаю — в комическом, смешу людей, зрителей. Но ведь

я сыграл бригадира Потапова в «Премии», Сарафанова в «Старшем сыне» по Вампилову, Нюхина в чеховской «Карусели». А трагическая роль казака в «Донской повести» Шолохова! Премьера этого фильма в Индии прошла с большим успехом. За эту роль я получил Гран-при на Всемирном кинофестивале. Да и в театре мне пришлось много драматических ролей сыграть. И этому поиску себя, попыткам отойти от своего ампула, перепробовать свои творческие возможности в самых разных пьесах я научился у Яншина, большого актера нашего времени.

— Вы работали в трех театрах Москвы. Какой из них вам наиболее дорог? С каким коллективом связаны наибольшие творческие успехи?

— Трудно ответить на этот вопрос. С Михаилом Яншиным я проработал в театре имени Станиславского двадцать один год. Целая вечность прошла в этом замечательном коллективе. И пора ученичества, и пора возмужания. Узнавание мира театра, вращение в него.

Потом мой учитель по театральной студии Андрей Гончаров после смерти Николая Охлопкова стал главным режиссером театра имени Маяковского и несколько раз приглашал меня перейти к нему на работу. В конце концов я перешел: мне пришлось — по душе интересный репертуар, намечавшийся с приходом нового режиссера в этом театре. Я успел там сыграть Нарокова в «Талантах и поклонниках» Островского, Санчо в спектакле «Человек из Ламанчи», Ванюшина... Это хорошие работы, они меня удовлетворяли. И здесь я хочу вспомнить слова Станиславского о том, что изпод актера необходимо через девять-десять лет выбивать стул, на котором он расселся. То есть Константин Сергеевич имел в виду противодействие актерским штампам, выработавшемуся шаблону, стереотипу.

Короче говоря, когда Марк Захаров, замечательный современный режиссер, пришел в Театр имени Ленинского комсомола, мне показалось, что он именно тот самый режиссер, который мне как актеру даст вторую жизнь. Второе дыхание. И я, «выбив из-под себя стул», на котором сидел уже несколько лет, перешел в этот театр...

— Евгений Павлович, вы бывали за границей, смотрели работы многих зарубежных театров, в том числе прославленных, сильных. Скажите, чем наш, советский театр отличается от западного?

— Если кратко, одним словом, то я бы сказал — сердечностью. Ведь актер интересен зрителю умением «потратить» свое сердце, потревожить при этом сердце другого человека, вызвать боль, гнев, сострадание. Да, западные актеры, быть может, более техничны, чем наши, но, думается мне, что главное в игре артиста — сердечность, теплота душевная, «затрачиваемость». Вы только вспомните, как зритель, о своих театральных впечатлениях и поймете, что они связаны прежде всего с игрой актеров сердечных: Николая Симонова, играющего Петра Первого, Евгения Урбанского, так сыгравшего коммуниста Губанова, что образ этот навсегда останется в душе зрителей. А Бабочкин — Чапаев! Еще Горький когда-то сказал: «Русское актерское искусство — искусство сердца». Конечно, время течет, меняется эстетика искусства, меняются вкусы зрителей, но все равно столбовая дорога театрального искусства — сердечность актерской игры.

— Есть ли у вас связи с Подмосковьем?

— И даже, можно сказать, кровные связи. В Подмоскowie жили мои родители, и я люблю эти замечательные места любовью сына. Некоторые фильмы, в которых я участвовал, снимались в столичной области. В силу своих общественных обязанностей директор Центрального Дома актера я бываю в подшефных колхозах «Победа» и «Клинский» Клинского района. Бываю с удовольствием, потому что чувствую необходимость встреч с жителями села, которые настоящему любят кино и театр.

Беседу вел
Феликс МЕДВЕДЕВ.